

АНАТОЛИЙ ЛОМОВ

СЛУЖЕНЫЕ МУЗ НЕ ТЕРПИТ СУЕТЫ

Давным-давно, еще в конце XIX века Федор Иванович Буслаев (личность, известная всем филологам России) целый месяц приставал ко всем знакомым по Московскому университету:

– Скажите, Христа ради, почему профессор Алексеев ушел в деканат? Разве ему мало профессорских обязанностей?

А потом Федор Иванович, радостный, сообщал все тем же знакомым:

– Наконец-то я понял. Профессор издал две книги. Устал, поди. Вот и укрылся в деканате. Там один присутственный день. Прибавьте к нему еще один день на экстренные события. Остается пять свободных дней в неделе. Можно отдохнуть!

После этих бесед минуло лет тридцать. В России установилась другая власть, и обычай, когда деканы и ректоры ограничивали свою административную работу одним-двумя присутственными днями, отдавая остальное время науке, канул в Лету. Я мог бы привести многочисленные примеры, но удовлетворюсь одним, хорошо мне знакомым...

На втором курсе истфилфака я устроился в комнате на третьем этаже первого общежития. Поскольку мои сожители, братья Огнев и Коля Киселев, были некурящими, я выходил подымить на лестничную клетку. И здесь мне встретился парень эдак года на четыре старше меня. Оказалось, это Володя Гусев – аспирант первого года обучения профессора

Ильи Николаевича Бороздина. Выкурив сразу же две сигареты, мы подолгу разговаривали либо на литературные, либо на исторические темы. Привыкли друг к другу, и отсутствие одного сразу же замечалось другим.

Прошли годы. Гусев защитил диссертацию и ушел в пединститут. А я, окончив университет, поехал работать журналистом в село и стал редактором районной газеты. На четвертый год моей службы создали межрайонные управления, районки ликвидировали, и я получил назначение замредактора межрайонной газеты в Борисоглебске. Как-то в негасетный день я вышел на центральную улицу города и вдруг встретил Гусева, приехавшего к родителям. Мы бродили целый день, купили мне ботинки, за которыми я, собственно, и вышел, заглянули в редакцию городской «Борисоглебской правды», где Гусев всех хорошо знал, а мне ее сотрудники были еще незнакомы, пообедали в ресторане. Расстались поздно вечером, не надеясь на скорую встречу.

Но эта встреча состоялась, причем в университетском коридоре: я поступил в аспирантуру к Валентине Ивановне Собинниковой, а Гусев вернулся из пединститута в родные стены. Жили мы неподалеку: я в первом общежитии, а он с семьей – во втором. Но виделись редко. Наши пути попросту не пересекались. Я был погружен в аспирантские, потом в преподавательские заботы, а Гусев – в ад-



Владимир Васильевич Гусев

министративные: через некоторое время после возвращения из пединститута он стал деканом истфака, а затем и проректором.

Пути стали пересекаться в самом конце семидесятых годов, когда я вернулся из докторантуры, и он настоял, чтобы я пошел заведующим кафедрой русского языка для иностранцев. Тогда-то я и увидел, сколь много работает мой давний приятель. Шесть дней в неделю (включая субботу) он приходил на службу в восемь, а уходил в половине седьмого-семь. В воскресенье он позволял себе вольность: появлялся в своем кабинете в десять, а покидал его около трех. И в то же время успевал ходить на филармонические концерты, посещать выставки живописцев, театральные постановки. Уставал страшно: однажды без сил упал за столом, и две недели ему пришлось отлеживаться в областной больнице.

Но как работает Владимир Васильевич, я смог увидеть только позднее, когда перешел на кафедру русского языка филфака, а он стал ректором, и мы вместе начали ездить в командировки – по большей части зарубежные. Как-то в 1990 или 1991 году вместе с двумя другими сотрудниками университета мы отправились в Китай по приглашению ректора университета в Чунцине. Прилетели в Пекин, поселились в гостинице и направились гулять по вечернему городу. Всё нам было внове: бесчисленные потоки велосипедистов, среди которых было много велорикш, термосы с чаем у каждого китайца, необычная для европейцев кухня. На следующий день мы полетели самолетом в Чунцин и пробыли там около недели. Время в наших отношениях с Китаем было сложное. Но интеллигентный, спокойный ректор из Воронежа, видимо, китайцам понравился, и как-то само собой (разумеется, не само собой) дело устроилось. С той поры прошло более двух десятков лет, а отношения между нашими университетами остаются хорошими.

Та же история повторилась при посещении Эстонии. Когда наш поезд прибыл в Тарту, мы с Владимиром Семеновичем Листенгартеном из учебной части обнаружили, что у нас закончились сигареты. Подошли к киоску, около которого стояли два эстонца. На наш вопрос, какие есть сигареты и сколько они стоят, продавщица, на вид русская, недоуменно подняла брови: дескать, не понимаю. Но тут эстонцы отошли, и она торопливо сказала:

– Говорите скорее, чего вы хотите, пока нет никого!

Позднее мы сталкивались со случаями явного неприязненного отношения к русским. Но Владимира Васильевича это вроде бы не касалось. Он был всё таким же – спокойным и доброжелательным,

не похожим на наших чиновников, которые здесь, в Эстонии, либо надевали маску каменного спокойствия, либо принимали не к месту улыбочивый вид. Когда у него спросили, где бы мы, воронежцы, хотели побывать, он ответил, что в первую очередь на могиле Ю.М. Лотмана, незадолго перед тем умершего, а также в библиотеке и музее университета.

В библиотеке и в музее нас встречали вопросом: «Когда Воронеж собирается возвращать книги из библиотеки Тартуского университета?» Гусев все так же спокойно объяснял:

– Вы знаете, конечно, что ваш университет был российским. И все имущество в нем и библиотека были российской собственностью. И когда Германия оккупировала Эстонию и объявила Тартуский университет немецким, Россия имела все права эвакуировать библиотеку на неоккупированную территорию. И ни немецкому, ни позднее эстонскому университету в Тарту ревизовать это решение права не дано.

Возразить на это было нечего, постепенно вопрос был снят, и наши переговоры пошли дальше спокойно...

Всегда озабоченный административными делами, Гусев никогда не забывал своего учителя – Илью Николаевича Бороздина, возлагавшего на него большие надежды. И вот однажды Владимир Васильевич взял отпуск, который не брал уже лет двадцать, и на два месяца ушел в библиотеку, обычно пустовавшую музейную комнату, куда приходил в восемь утра, а уходил в восемь вечера. Итогом этих библиотечных сидений было завершение работы над книгой «Изучение новой истории Западной Европы в США и СССР. 1976–1981». Когда я поздравил его с выходом книги, Владимир Васильевич сказал:

– Служенье муз, как известно, не терпит суеты, – и добавил: – В том числе и служенье музе истории Клио.

Я с недоумением посмотрел на него:

– Что ты имеешь в виду?

Он ответил:

– Только то, что я историк и что, видно, оставаться мне холодным профессором всю жизнь. Защищать «проходную» докторскую я не хочу, хотя многие пользуются случаем, а для хорошей нет времени. Так что печалиться тут нет резону: сам выбрал себе дорогу и не жалею.

...А ректором он был очень и очень приличным. Университетские старожилы, когда говорят о послевоенной истории университета, вспоминают только две яркие личности на посту ректора – Бориса Ивановича Михантьева и Владимира Васильевича Гусева.